

Проза

Евгения Шевченко

Косица

Есть у нас на Урале деревня Санарка. Жил там один старик, Василий Числов. Работящий был и хозяйство имел крепкое: и овец, и коров, и разную птицу. Ну и лошадь была, как полагают. Повезло с ней Василию – попала сильная, здоровая да послушная.

И вот однажды приехали в деревню татары – лошадей скупать на мясо. А наш Василий взял да свою кобылу-то и продал. Все просто диву давались, зачем это ему понадобилось. А Василий молчал как каменный.

Потом жена его всё же выболтала. Оказывается, домовую кобылу невзлюбил. По ночам её мучил да царапал. Утром она стояла вся

Санарские байки

в пене или того хуже – по земле каталась от боли.

Василия, конечно, в Санарке обсмеяли. Всё спрашивали, когда он жену сменит, мол, домовому эта не приглянулась. А он промолчит, только рукой махнёт.

Вскоре взял он новую лошадейку, всю мохнатенькую да маленькую. Назвал её Машкой, а в деревне её иначе прозвали – Ишаком. Поставил Василий Машку в стойло, утром смотрит – косица в гриве заплетена. Понравилась, значит, новая кобыла домовому. Решил Василий обрезать косицу, на другое утро смотрит – ещё две появились. С тех пор стала лошадейка округляться да выравниваться. Днём за ней Василий ухаживал, а ночью – домовая. Выросла в красавицу-лошадь, и про прозвище обидное в деревне никто уже не вспоминал.

Но тут у Василия беда случилась – заболела внучка. Не ест, не пьёт, худеет да желтеет. Скоро и вставать перестала. До города – три дня езды, по такой стуже и не доедешь. А сами лечить пытались – не помогает. Умирает девчонка, и сделать ничего нельзя.

Вот как-то утром Василий встал, к внучке подошёл проверить, дышит или нет. Смотрит – в волосах косица знакомая. Смекнул он, чья это работа, и сразу повеселел. Тут и вправду пошла внучка на поправку.

С тех пор в деревне над Василием уже никто не смеялся. Поняли, что уважил Василий домового – кобылу поменял, тот ему добром и отплатил. Верно говорят: как аукнется, так и откликнется.

Высшая раса

В Санарке возле большой избы всегда строят маленькую, чтобы там и варить, и чаёвничать, и топтать грязными ногами. Называется такая изба малухой. Некоторым домохозяевам со своим кривым рылом вообще в избу заходить не разрешали: не хочешь вести себя как человек – живи в малухе вместе с кошками.

Одноногий алкоголик Славка, непутёвый сын старого хозяина, только тут и отирался с утра до вечера. Эдакий хозяин малухи. Пил водку, цедил «чифир», покуривал. Как он ест, никто не видел – за стол с другими никогда не садился. Зимой ночевал здесь, накрывшись «куфайкой», и только летом уходил на ночь в баню. Кстати, годков Славке было под пятьдесят, но иначе как этим уничижительно-ласкательным именем его никто не называл. Тем, кто заходил в малуху поесть или чаи погонять, волевыми приходами слушать Славкины рассказы.

– Ехал мужик до Пласта ночью на своей «шестёрке», – говорит Славка, затягиваясь «Примой» и

выпуская дым в печную топку, – и тут машина заглохла. Вышел посмотреть, а вокруг светло, как днём. Поднял голову, а над ним висит огромная святающаяся «сигара», понял? Он испугался, сел в машину, тут свет пропал, и машина завелась. Поехал он дальше – тут опять свет, и машина глохнет. Так его эта «сигара» преследовала до самого Пласта.

Славка многозначительно обводит всех взглядом и добавляет:

– Значит, есть всё-таки высшая раса. Не то, что мы, дурагоны.

Старый будильник

На столе в малухе тикает старый будильник «Витязь». Все белые пластмасски, включая циферблат, давно превратились в благородную слоновую кость и хорошо сочетались с изумрудно-зелёным корпусом.

Когда я приехала в деревню, стрелки «Витязя» показывали четыре. Только перестали охать и ахать по поводу моего неожиданного приезда бабушка с дедушкой, только совместными усилиями накрутили фарш и налепили пельменей – день стал клониться к закату. В ноябре темнеет рано, и около шести в малуху заползли сумерки. Я подумала, что ещё немного, и пора будет включать свет. Но так уютно сидеть

возле маленького оконца, попить чай с вареньем из лесной ягоды, разговаривать разговоры с бабушкой и дедушкой... Через час я бросила взгляд на будильник – что за ерунда, стрелки по-прежнему на без десяти шесть. Я поднесла его к уху – тикает. А в окно по-прежнему льётся сумеречный свет уходящего дня. Ещё минут через двадцать я опять строго посмотрела на будильник – стрелка ни с места. Тут я сообщила бабушке о его странном поведении.

– Ну, давай подведу его, – сказала бабуля. – Он ведь каждый день останавливается в это время. Я люблю прясть при дневном свете, вот и не перевожу стрелки. Иногда так и просижу полночи, а в малухе всё светло – на будильнике ведь без десяти шесть. Опять же экономия – электричество включать не надо. Бывает, уже и соседки приходят – отмотай, мол, время вперёд, а то у нас дети заснуть не могут, светло очень...

Я смотрела на бабушку во все глаза, пытаюсь понять, правду она говорит или шутит.

– Ну что уж теперь, любите вы, городские, во всем порядке, – сказала бабушка с лёгкой досадой в голосе. – Сколько сейчас? Часов уже восемь, наверно?

Она взяла будильник, подкрутила стрелки. И за окном сразу стало очень темно.

Поэзия

Игорь Варламов

«И всё ж я дожидаюсь утра...»

Но как тебя мне приручить,
клевать с ладони приручить?

***

Что за чудак, что за шутник,
явившись вслед за сквозняком,
разбил под окнами цветник,
прошёл по стёклам босиком?

А я осколки витражом
раскладывал в своём окне.
И в них, стократно отражён,
родился кто-то в тишине.

И в час рождения в ночи –
приспел же несусветен срок! –
сгорающий фитиль свечи
чуть было не поджёг пирог.

Я, как простуженный, дрожа,
вращал калейдоскоп окна.
И сквозь стекляшки витража
я видел, как плывёт Луна.

И под созвездием Тельца
от продувания сквозняка
умерших бабочек тельца
летели на пол с потолка.

***

Я сам собой из дома вышел.
Зимой, в конце второй декады,
неона красного превыше
трещали мёртвые цикады.

Вязало в горле от оскомы
созвездий, к небу пригвождённых,
и думалось о насекомых,
зимою замертво рождённых.

И неизменность облачений,
пейзажам вверенных по праву,
не приносила облегченья –
полсвета примеряло траур.

И то, что обрелось под спудом,
когда ни всхлипов и ни жалоб
уже не слышно ниоткуда,
есть просто обретенье жабер.

Я в бытность получеловеком,
взбравшись к Богу на качели,
летал, и набивались снегом,
как солью, жаберные щели.

Кто скользит там, чуть дыша?
Белая моя душа! –

в полночь одиноко
бродит босоногой.

По ступеням, не спеша,
сходит белая душа –

будто бы в исподнем,
будто в преисподню –

на измеренный стократ
чёрной комнаты квадрат.

В перекресте ночи
красным кровотоцит.

***

Как знать, с какого дня
мы безнадежно чокнулись,
задаром разменяв
самих себя на чопорность?

Я вижу наяву
всё это разорение.
О Боже! я живу
в четвёртом измерении.

А может, вместо мзды
за то, что толстокожи мы,
окрест – лишь гладь воды,
на гладь мозгов похожая.

То над, то под плову
лет сто попеременно я
и столько же живу
в четвёртом измерении.

И с бременем потерь
в душе своей ушибленной
стучусь в чужую дверь
ненужно и ошибочно.

И адрес назову
не к месту, не ко времени:
«Простите, я живу
в четвёртом измерении...»

Черепаша на зеркале

Принесли в пустое помещение
черепашу. Десятью мишенями
панцирь полированный посверкивал.
Черепашу бросили на зеркало.

Черепаша затаилась робкою
спичечною синию коробкою.

Потому её за панцирь плиточный
кто-то взял и вон за лапы вытащил

и смотрел, пока секундной стрелкою
в гололёд по циферблату зеркала

нетатуированному, белому,
черепаша маленькая бегала...

Утро

Я так хочу дожидаться утра!
Челнок луны прибьётся утлый

с гребцами – как всегда доселе –
по именам всех дней недели

к ветвям, качнувшимся в зените.
А я скажу: «Меня возьмите

туда, где в полдень челн растает».
А здесь всё по местам расставит

обычный будний день – образчик
листов газет позавчерашних.

А здесь, являя узы с небом,
земля опять покрыта снегом.

На нём собачьи отпечатки,
словно бродячие печальки.

Но здесь они совсем негожи –
здесь темь воротников прохожих.

Собачья грусть – клочок абсурда.
И все ж я дожидаюсь утра.

Я утром все переиначу –
поглажу голову собачью

и, исходя клубами пара,
дохну стробой высокопарной.

И строчки, словно хрупкий иней,
осядут на собачью спину.

***

Как будто дождалась скандала, –
среди жары похолодало.

И лето золотой ошейник
без спросу и без разрешения

срывает, к возмущенью многих,
и поскорей уносит ноги.

А мы стоим у поворота
и чувствуем, что мы сироты.

И нам прохлада выйдем боком.
Давай ее отпустим с богом.

***

Плывёт по небу лунный струг.
А вечер, что коварней ночи,
вновь сумасшествие пророча,
мне ткнул в грудь,
как пьяный друг.

«Не надо, вечер, не чуди!
Зачем мне голову морочишь?
Иль просто посмеяться хочешь?
Ну всё, довольно. Уходи!»

А он совсем сошёл с ума
и по дурманящей погоде
Бог весть кого ко мне приводит,
как сводник старый, задарма.

И я, кого-то веселя,
твержу: «Всему виною случай...»
И ничему я не научен.
Опять всё сызнова, с нуля,

как будто с белого листа.
Но я опять себя ругаю
и снова предупреждаю:
«Постой, всё это суэта.

Пойми, что ночи жизнь длинней,
что легковесное не легче».
Ах, что наделал этот вечер!
Быть может, утро мудреней?